

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЙ

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Научная статья
УДК 81'374:28
doi: 10.17223/22274200/27/1

О своеобразии частицы *чѐ* и сочетаний с ней в связи с вопросами лексикографирования

Боброва Мария Владимировна¹, Колосько Елена Валентиновна²

^{1, 2} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*
¹ *bomaripgu@yandex.ru*
² *evkolosko@mail.ru*

Аннотация. Анализируется диалектно-просторечная частица *чѐ*, а также сочетания с ней на материале картотеки «Словаря русских народных говоров» в сопоставлении с частицей *что* в литературном языке. Выявлена специфика частицы с точки зрения основных параметров: формального, функционально-прагматического (коммуникативного), смыслового. Сделаны выводы о способах корректной лексикографической репрезентации особенностей данного слова и сочетаний с ним. Исследование подтвердило идею авторов о необходимости включения диалектно-просторечной лексики в диалектные словари.

Ключевые слова: диалектология, диалектная лексикография, диалектно-просторечная лексика, частица, *чѐ*

Для цитирования: Боброва М.В., Колосько Е.В. О своеобразии частицы *чѐ* и сочетаний с ней в связи с вопросами лексикографирования // Вопросы лексикографии. 2023. № 27. С. 5–28. doi: 10.17223/22274200/27/1

Original article

doi: 10.17223/22274200/27/1

On the uniqueness of the particle *chyо* and phrases with it in connection with the issues of lexicographizing

Maria V. Bobrova¹, Elena V. Kolos'ko²

^{1, 2} *Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *bomaripgu@yandex.ru*

² *evkolosko@mail.ru*

Abstract. The article continues a cycle of works in which the authors explore the common parlance word *chyо*. In connection with the issues of lexicographic description, the particle *chyо* and phrases with it are considered. Their specificity is revealed on the material of the card file for the *Dictionary of Russian Folk Dialects* in comparison with the particle *chto* in the literary language according to the *Dictionary of Contemporary Russian Literary Language*. The particle is considered from the point of view of the main parameters of functioning and lexicographizing: formal, functional-pragmatic (communicative), and semantic. The analysis is complicated due to the actual absence of an exhaustive and consistent theory of particles for literary language and dialects. The following results were obtained. (1) According to various parameters, the particle *chyо* is only partially identical to its equivalent in the literary language, the semantic and functional-pragmatic range of the common parlance word *chyо* is wider. (2) In order to avoid contradictions of various theoretical approaches, the term “complex particle” should be abandoned in favor of the term “composite particle”, and labels clarifying the category of particles should be abandoned in favor of formulations that indirectly reflect the necessary information such as “used in interrogative and exclamatory sentences”, “used to enhance the meaning”, etc. (3) Polyfunctionality (a combination of features of different parts of speech) as a fundamental feature of the functioning of particles should be taken into account when defining the word *chyо*. Its definition, if possible, should also reflect the “shades” of the meaning *chyо* gives and describe transitional cases of using the particle as an interjection or introductory word. (4) For a correct lexicographic presentation of the material, if possible, the intonation of the phrase with the word *chyо* should be taken into account, it is necessary to include the widest possible context, commentaries of compilers of field materials. (5) It is necessary to reflect in the interpretation the shades of meaning, expressive and emotional evaluation, the modalities introduced by particles into the utterance. The features of the use of particles are easier to

identify using substitution (by synonyms, equivalents) and elimination (removing of the analyzed word from the utterance) methods. (6) A special, in-depth consideration of combinations with the word *чѣ*, including in the role of a particle, is required, which is the immediate prospect of this research. The article concludes that the analyzed materials confirm the authors' idea of the need to include common parlance words in the corpus of dialect dictionaries and develop special approaches for the correct lexicographizing of such vocabulary.

Keywords: dialectology, dialect lexicography, dialect and common parlance vocabulary, particle, “*чѣ*”

For citation: Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2023) On the uniqueness of the particle *чѣ* and phrases with it in connection with the issues of lexicographizing. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 27. pp. 5–28. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/27/1

Диалектные лексикографы вынуждены постоянно искать и находить решения сложных вопросов, совершенствовать теоретические подходы к практическим вопросам, чтобы затем снова возвращаться к теории и уточнять ее. Со временем только большую остроту приобретает идея О.И. Блиновой о том, что следует рассматривать «лексикографический метод как один из инструментов получения теоретического знания» [1. С. 14] (см. об этом также [2, 3]).

Появление данной статьи обусловлено необходимостью продолжить наши изыскания относительно особенностей функционирования в речи диалектоносителей слова *чѣ* и корректной репрезентации этих особенностей в словарях. Актуальность исследований в отношении «диалектно-просторечных слов», т.е. лексики, используемой в системе диалекта и в просторечии, но не употребляемой в нормированном литературном языке (см. [4. С. 102] и последующие работы), подчеркивалась нами в предыдущем выступлении на страницах журнала «Вопросы лексикографии»: «...отсутствие единых подходов к подобным языковым фактам приводит к несогласованности, непоследовательности и даже противоречивости лексикографических продуктов» [5. С. 6].

В указанной публикации на примере слова *чѣ* нами были отражены содержательные, формальные и функционально-коммуникативные особенности бытования диалектно-просторечных слов в диалектной речи, которые в конечном итоге связаны с общими вопросами лексикографической теории. Позднее мы уточнили наши подходы и предложили принципы лексикографического описания данного слова как местоимения и союза [6–8].

Мы берем на себя смелость обратиться к тому участку морфологической теории, который до сих пор видится наиболее «темным». Если для отдельных групп служебных слов удалось найти формально-смысловые и функциональные обоснования для их отмежевания от общей группы «частиц языка» (предлоги оформляют подчинение одного знаменательного слова другому в пределах синтагмы, союзы – синтаксические связи словоформ и предложений, междометия служат для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность [9. С. 704, 712, 731]), то «найти для них [частиц] общие категориальные признаки не представляется возможным» [10. С. 6]. В конечном итоге к частицам – необходимо это признать – элементы речи относят либо по традиции (ориентируясь на классификацию В.В. Виноградова, на списки в академических грамматиках, «авторские» списки и др.), либо по остаточному принципу. Это неизбежно приводит к разночтениям и противоречиям. Сложно определить, например, чем отличаются лексема *очень*, квалифицируемая как наречие меры и степени, и лексема *почти*, которую относят к разряду выделительно-ограничительных частиц (*почти* логичнее рассматривать не как «ограниченность», а как «неполную или недостаточную степень» проявления признака). Если считать отличительным признаком вводных (модальных) слов их способность не только выражать субъективно-модальную оценку, но и называть ее, то мы затруднимся в определении того, насколько деэтимологизированным можно считать диалектно-просторечное *гыт*, *грит* из *говорит*. Будет ли оно ближе к частице *якобы* или к модальному слову *говорит*? И насколько правомерно тогда относить к классу модальных, а не частиц аналогичные по происхождению и значению слова *вишь*, *мол*, *де*, *дескать*? А далее это ведет к практическим проблемам, одна из которых – необходимость уточнения и заучивания списков слов, которые (не) нуждаются в обособлении.

Впрочем, в «Русской грамматике» 1980 г. [9. С. 722] определено, что в любой частице «присутствует значение отношения: или отношения (отнесенности) действия, состояния либо целого сообщения к действительности, или отношения говорящего к сообщаемому, причем оба эти вида отношений очень часто совмещаются в значении одной частицы». Не случайно, однако, что в данную группу отнесены слова, выступающие в слабо соотносимых функциях формобразова-

ния и выражения разнообразнейших коммуникативных характеристиках сообщения (а также функции словообразования, не отмеченной в данном справочнике): это попытка объединить разнородные явления. Более того, «многие частицы по своему значению и по своим синтаксическим функциям не противостоят резко словам других классов – союзам, вводным словам, междометиям, наречиям, а совмещают в себе качества частицы и слова одного из этих классов», «противопоставление друг другу таких значений как принадлежащих словам разных классов оказывается неправомерным, и слово должно квалифицироваться как “частица-союз”, “частица-наречие”, “частица-местоимение”, “частица-глагол”, “частица-междометие”, “частица – вводное слово”» [9. С. 729, 723]. Ср., например, продолжающие эту идею рассуждения О.Ю. Степановой о градуальности выражения грамматического значения в синкретичных служебных словах; на примере сравнительного союза *что* и сравнительной частицы *что* показано: на шкале переходности это могут быть звенья по типу А – Аб – АБ – аБ – Б [11].

Несмотря на то, что предпринимались многочисленные попытки определить сущностные свойства частиц в структурно-семантическом, семантическом, формально-грамматическом, лингвопрагматическом, функционально-прагматическом, дискурсивном аспектах, в коммуникативном синтаксисе, в конструктивном синтаксисе, в лингвистике текста и т.д. (см. работы В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой, А. Вежбицкой, Е.В. Падучевой, Г.Е. Крейдлина, И.М. Богуславского, Ю.Д. Апресяна, И.М. Кобозевой, Т.М. Николаевой, Е.А. Стародумовой и мн. др.), рано заявлять о разработке окончательной и непротиворечивой теории частиц. По-прежнему не определены границы класса частиц (как не определено однозначно, является он морфологическим или чисто функциональным), а решению этой, краеугольной, проблемы препятствуют явления полифункциональности (грамматической омонимии с сохранением общей семы), (лексической) омонимии и гибридности (наложением разных грамматических значений) в современной языковой системе. Следствием этого оказывается невозможность однозначной квалификации многих речевых единиц в качестве частицы или иной части речи (ср. об этом, в том числе с точки зрения проблем лексикографического описания частиц, в [10]).

В работе с диалектной речью положение усложняется, прежде всего, по причине слабой разработанности общей грамматической теории русских диалектов. Даже в специальных работах частицы *что*, *чѣ*

исследователями не рассматриваются (ср., например, [12], где в ряду других обнаруживается лишь частица *только что*). Представления о составе и функциях диалектных частиц лакунарны, а в какой-то степени фрагментарны. И теоретически можно было бы определять статус отдельных диалектных элементов с опорой на списки, предлагаемые грамматистами для литературной речи (см., например, [13–15], др.), но здесь возникает еще одна причина, затрудняющая научные поиски, – лишь частичная интерференция и значительное несовпадение словарного фонда литературного языка и территориальных говоров, а далее – несовпадение (варьирование) состава частиц по говорам. В связи с разнообразием региональных вариантов еще острее встает вопрос о синкретизме грамматических значений и функций в одном элементе высказывания (ср. [16]). Исследователи отмечают, что в диалектной речи частицы функционально способствуют не только синтаксической, интонационной, смысловой организации высказываний, но играют большую роль в ее ритмообразовании [17. С. 204–205; 18. С. 76; 19. С. 382–383]. И наконец, до сих пор нет ни одного исследования, посвященного частице *чѐ*.

Проиллюстрируем специфику и возможные способы описания частицы *чѐ*, привлекая материалы картотеки «Словаря русских народных говоров». Правомерно сделать это в сопоставлении с литературным словом *что*, опираясь на данные «Словаря современного русского литературного языка» (ССРЛЯ), так как, во-первых, картотеки данных словарей содержат сведения о лексической системе русского языка примерно одного периода: XIX–XX вв. Во-вторых, сведения СРНГ и ССРЛЯ наиболее полны в сравнении с другими словарями. Например, С.А. Кузнецовым в «Большом толковом словаре русского языка» омоним-частица не выделяется, лишь отдельные сочетания с таким местоимением функционально приравняются частице («в зн[ачении] частицы») либо квалифицируются как фразеологические [20. С. 1483–1484]. Частица *чѐ* представлена в единичных диалектных словарях, и, например, такой омоним выделен в «Вершининском словаре» [21. С. 256–258], но некоторые частичные сочетания репрезентированы в нем как фразеологизмы в статье на местоимение *чѐ*, ср. *а чѐ, токо чѐ, чѐ попало* и др. [21. С. 255–256]. Подробная словарная статья представлена в полном «Словаре говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» [22. С. 160–162], но и она должна быть уточнена при «панорамном» видении, которое может дать

только максимально широкий обзор диалектных материалов. В-третьих, компаративный потенциал ССРЛЯ ценен в связи с тем, что в словаре пометой *разг.* и *прост.* выделены слова и значения, тесно коррелирующие с просторечно-диалектными, и это позволяет судить о стилистических особенностях анализируемых диалектных лексем.

При характеристике частицы *чѐ* целесообразно опираться на лексикографическую теорию О.И. Блиновой и Томской лингвистической школы и учитывать различные (в их терминологии) параметры описываемого слова: функциональный, функционально-прагматический (коммуникативный), смысловой.

Большую сложность составляет терминологическое определение разряда частиц в силу огромного разнообразия классификаций, предложенных на данный момент грамматистами литературного языка. Оставляя в стороне вопрос о таксономии частиц по происхождению, отметим, что предлагаемые классификации могут выстраиваться на разных основаниях (семантических, функциональных, коммуникативных и др.), причем нередко авторами в одной классификации критерии смешиваются, что неудивительно при работе со столь «разношерстным» и явно неравновесным материалом.

Естественно поэтому, что в ССРЛЯ из 10 лексико-семантических вариантов (ЛСВ) лишь для трех определен разряд: для ЛСВ 2 и 5 – указательная, для 3 – вопросительная. В остальных случаях разновидность частицы *что* выражена косвенно, ср.: ЛСВ 1 «Употребляется в начале вопросительного или восклицательного предложения...», ЛСВ 6–8, 10 «В составе сложной модальной частицы...», ЛСВ 9 «В составе сложной указательной частицы...». В ЛСВ 4 («Употребляется (для заполнения возникшей паузы)...»), а также в ЛСВ 3 («Употребляется в диалоге...») подчеркнут коммуникативный характер использования слова *что*, но такой разряд не выделялся В.В. Виноградовым и авторами Академической грамматики–60 (под ред. В.В. Виноградова). Полифункциональность частицы отражается в ЛСВ 6 «В составе сложной модальной частицы “что за”». Употребляется в восклицательных и вопросительных предложениях для усиления выразительности высказывания» (модальный и экспрессивный характер), в ЛСВ 8 «В составе сложной модальной частицы “что же (что ж)”». Употребляется в вопросительных и восклицательных предложениях. а) В повествовании о чем-нибудь при пе-

реходе к последующей картине, событию и т.п.» (модальный и коммуникативный характер), в других ЛСВ.

В связи с упомянутыми терминами оговорим необходимость уточнить те из них, которые указывают на структуру частиц. По нашему мнению, следует отказаться от понятия «сложная» в пользу «составная» во избежание смешения терминологии морфологии и словообразования. Как известно, под сложными обычно понимают слова, образованные путем сложения корней, что некорректно в отношении частиц, составленных из нескольких лексических компонентов (*почти что, даже и, что ли, бы то ни было* и под.).

Как и слово литературного языка, диалектная частица *чѐ* и сочетания с ней не способны участвовать в образовании слов и грамматических форм слов, вместе с тем ее функциональный диапазон значительно шире. В материалах СРНГ обнаруживается способность слова *чѐ* формировать модальность вопроса, помогать усилению смысла и выражать смысловые оттенки, служить коммуникативно значимым средством диалогичности, текстовым коннектором. Частица и сочетания слов с ней могут функционально сближаться с вводными (модальными) словами, выражая отношение к высказываемому в относительно автономной позиции в структуре предложения, или с междометиями, выступая средством побуждения к действию или выражения эмоциональной реакции. Помимо указанного, частицы служат средством прагматической организации текста (монологического или диалогического), маркируя границы смысловых отрезков, «говоря о намерении одного из партнеров провести беседу в том или ином иллокутивном ключе» [23. С. 87], вербализуя перлокутивный эффект, аксиологический компонент высказывания, выступая элементом ритмико-мелодического рисунка фразы, участвующим в смысловом ее оформлении, и т.д.

Не останавливаясь на спорах о наличии или отсутствии у частиц лексического значения, продемонстрируем особенности функционирования слова *чѐ* в речи диалектоносителей с точки зрения семантики.

В.В. Виноградов в числе первых указал, что значение частиц определяется непосредственно в высказывании, в которое они привносят дополнительные модальные и смысловые оттенки [24. С. 543–555, 594–610]. Частица *чѐ* не является исключением и, как большинство русских частиц, «не имеет инвариантного лексического значения, но обладает весьма значительным импликационалом, т.е. набором по-

тенциальных сем, каждая из которых выявляется через сочетаемость с другими элементами контекста» [25. С. 105].

Можно констатировать, что преобладают ЛСВ слова *что*, абсолютно совпадающие с ЛСВ слова *чѐ*.

Тожественны вопросительные частицы *что* (и просторечное *че-го*) и *чѐ*, которые употребляются в диалоге как отклик или переспрос: а) [Арина Ивановна:] *Акуля!..* [Голос Акулины:] **Что?** [Арина Ивановна:] *Самовар. Найден. Дети Ванюшина. – Мне кажется, ваше превосходительство, она совсем не стоит четырех тысяч. – Что?* Гог. Коляска. *Захар потянул его за полу. – Чего тебе? – грозно спросил Обломов, вдруг открыв глаза.* Гонч. Обломов [26. Стб. 1131]; б) – *Анна! – Чѐ?*¹ [из горницы]. Шадр. **Перм.** – *Пойдѐшь со мной? – Чѐ?* Том. **Том., Кемер. Чѐ ты? Что надо? Тамб., Костром., Арх.** Они могут использоваться в начале вопросительного или восклицательного предложения для выражения удивления, недоумения (близко к *разве*): а) **Что, ты играешь еще на флейте?** В. Соллогуб, Тарантас, 6 [26. Стб. 1129]; б) **Чѐ, в такси надо ездить?** Тарск. **Омск.** Вопросительные частицы выступают также в предложениях, предполагающих отрицательный ответ, усиливая его: а) – *Какое мне дело!.. Что я разве друг его какой, или родственник?..* Лерм. Максим Максимыч. **Чего с ним говорить?** М. Горький. Васса Железн. [26. Стб. 1130]; б) *Он чѐ разве скажет правду-то, опять хлюпат, поди!* Кирен. **Иркут.** *Прямо рядом строчит гад! А чѐ, под фанерой-то укроешься?! А чѐ, грамотному нельзя работать, что ли? Человек выучится — така и работа даётся. Выпейте да закусите колбаской. Жалко, ли чѐ ли?* Красновишер. **Перм.** Литературная и диалектная частица способны выступать в вопросительных предложениях в значении близком к «как», для побуждения собеседника к ответу на вопрос, к разъяснению чего-либо: **Что, барин не приходил еще?** А. Остр. Не сошлись характ. – **Что ж?** – *спросил Пугачев. – Страшно тебе?* Пушкин. Кап. дочка [26. Стб. 1130]; б) **Чѐ, заволочили уже?** Дон. **Чѐ, не взяли тебя в долю?** Усть-Цилем. **Арх.** (в этой же функции выступают усилительные сочетания *а чѐ, а чѐ почему, дак чѐ, ну чѐ*).

Усилению выразительности способствует использование функционально тождественных частиц *что за, чѐ за*: а) **Что за скука, что за горе наше бедное житье!** Пушкин. Бор. Годунов (вар.) [26. Стб. 1131];

¹ В тексте сохранена орфография и пунктуация источников картотеки СРНГ.

б) **Чё за матери таки! Не проводят, не стрелят учеников, прямо диво мне!** Красновишер. **Перм.** Ну, это **чё за гости, гости из подмостья.** Усть-Цилем. **Арх.** В аналогичном значении выступает частица *до чего* (и тождественная ей частица *до чё*), которая не учтена в ССРЛЯ, но нашла отражение в Академической грамматике–80: а) *Хорош до чего лес! До чего ты устал!* [9. С. 723]; б) *До чё дожили люди! Никуда не годна эта жизнь. Ой, до чё довели! Вот до чё догуляла – и пим потеряла! Вот до чё разленились.* Том. **Том.**

Диалектная частица и сочетания с ней также может выступать в роли вводного слова, в значении «может быть, возможно»: а) – *А что, поставить, что ль, самовар? – спросила Мавра.* Дост. Униж. и оскорбл. [26. Стб. 1132]; б) *Самовар ли чё ли вам ставить?* Шадр. **Перм.;** в значении «кажется, вероятно»: а) *Дружным залпом отвечали Мы французам. – «Это что? – Удивясь они сказали: – Эхо, что ли?» – «Нет, не то».* Пушк. Бонапарт и черногорцы [26. Стб. 1132]; б) *Сегодня среда чё ли?* Туган. **Том.;** в значении «пожалуй»: а) *Выпьём, что ли, Ваня, С холода да с горя.* Огарев, Кабак [26. Стб. 1132]; б) *Ну давай ли чё ли две, одной-то, может, мало будет.* **Перм.**

Востребована и связочная функция частиц в тексте (в значении близком к значению частиц *и вот, а вот*): а) *Лишь ступил на двор широкий – Что ж? под елкою высокой, Видит, белочка при всех Золотой грызет орех.* Пушк. Ск. о царе Салтане [26. Стб. 1132]; б) **Чё мы, старухи, поём, поём. А он чё, бежит за нами.** Том. **Том.**

Данные частицы могут служить средством выражения примирения с чем-нибудь, смирения со сложившимся положением или одобрения чего-либо: а) **Что ж? это небольшое горе...** Пушк. Отр. из путеш. Онег. *Ну что ж, обедать так обедать, – сказал член военного совета Матвеев.* Симон. Дни и ночи [26. Стб. 1132–1133]; б) **Чё уж там! Теперь уж не надо и поминать, тамошну-то жизнь не надо и поминать!** Красновишер. **Перм. Ну чё ж?** Том. **Том.**

Сочетания с *что* и *чё* в указательной функции могут использоваться для уточнения, разъяснения чего-либо, в значении «знаете ли (знаешь ли)»: а) – *Да, Володя, вот что! Ты все-таки поговори об этом деле с Будиновским.* Верес. На повороте [26. Стб. 1133]; б) **Вот чё, кум: я, это, пассажира привёз.** Шадр. **Перм.**

Наконец в восклицательных предложениях они могут использоваться для выражения пожелания, в значении «вот если бы, хоть бы, хорошо бы»: а) **Что бы дождю идти в будни! Так нет...** А.Н. Толст.

Подкидн. дураки [26. Стб. 1133]; б) *А лень говорит: – Чѣ бы эти яблоки рвались и в рот клались* (сказка). Южн. **Краснояр.**

По каким-то причинам в ССРЛЯ не была отражена способность слова *что* выступать в значении некатегоричного побудительного междометия, близком к «давай(-ка), давайте(-ка)» (в высказываниях типа *Ну что (что ж), приступайте к заданию, Что (ж), приступим?*), которое очень характерно и для частицы *чѣ*: *Чѣ, девчонки, пойдѣмте с нами бродить!* Том. **Том.** *Ну ли че ли иди, пока не отбузгал.* Курган. **Перм.** *Ну чѣ, паря. Ставить надо быки.* Октябрь. **Хабар.** Частица *чѣ*, аналогично слову *что*, может употребляться в риторическом вопросе для выражения сочувствия: *Чѣ, больно? Чѣ, стукнулся?* Красновишер. **Перм.**

Сохранение генетических связей слов *что*, *чѣ* и сочетаний с ними, выступающих в функции частиц, очевидно, и это прослеживается не только в семантических параллелях, но и в способности создавать рамочные конструкции: «*что... что ли?*» – «*чѣ... что ли?*», «*чѣ... ли чѣ?*», под. Вместе с тем есть множество отличий, но – подчеркнем – большинство из них имеет широкое распространение в просторечии и в русских говорах наряду с собственно диалектными ЛСВ слов и сочетаниями.

Вероятно, можно говорить о стилистической дифференциации *что* и *чѣ* в народной речи: только первое, подобно словам книжного стиля в речи литературной, способно использоваться в функционально ограниченных жанрах, в данном случае – в фольклорных текстах, а вместе с тем в нейтральном употреблении. Ср. в подражании А.С. Пушкина: *Что не конский топ, не людская молвь, Не труба трубача в поле слышится.* Песня о Ст. Разине [26. Стб. 1131] – и в фольклорных сборниках С.И. Соболевского, А.Ф. Гильфердинга, Е.В. Барсова, П.В. Шейна и т.д. *Чѣ* – принадлежность исключительно бытовой коммуникации, что прекрасно осознается самими диалектоносителями и определяет возможность его употребления в «низких» жанрах, имитирующих речь сельских жителей: *Милка чѣ, да милка чѣ, Милка сердишься на чѣ* (частушка). **Сиб.**

Вероятно, разговорным характером объясняется то, что для высказываний с частицей *чѣ* и сочетаниями с ней характерна, например, бóльшая степень непринужденности, фамильярность, нередко сниженность оценки, а в целом значительно более выраженная эмоциональность, часто – полемичность, категоричность и даже некоторая

доля агрессивности или, наоборот, дружелюбность или снисходительность говорящего. Контексты с ней позволяют выявлять смысловые оттенки широкого диапазона. Так, например, в вопросительных высказываниях может выражаться удивление, недоумение, в том числе в сочетаниях, аналогичных литературным *Что ты (вы)!*, ср.: *Мы раз обои с ем кепку ищем: – Ты куда девал кепку? – А я не знаю. – Чё ты, куда девал? – Я обумиться не могу.* **Том.** Но гораздо чаще недоумение сопровождается оттенком недоверия или сомнения, в значении близком к «неужели»: **Ты чё, Семён, в платке метал, что ли?** Красновишер. **Перм. Чё, и не куришь ли чё? В святы ли чё записался?** **Том. Том.** Нередко частицей *чё* и сочетаниями с ней выражается не просто удивление, а, скорее, возмущение чьими-либо действиями (*Милая моя, да вы чё, сдурели?* Усть-Цилем. **Арх.**) и даже их осуждение (*Ну че, отхлопала [сказала невпопад], не знаешь, че и придумать.* **Свердл. Ну чё? Почто надо было так делать?!** Красновишер. **Перм.**). Сочетания с *ты, вы* фиксируются в более выразительном, инверсированном виде: **Ты чё, остеклел [перестал соображать]? Не видишь? Ты чё, совсем остеклел? Лезешь прямо на гряды.** **Иркут. Неужели я не понимаю, что он шутит, вы чё, товарищи? Восходи, ты чё, кума? Давным-давно она, давно она помешалась! Мне мужиков десять сказали: – Ты чё, ты чё, счас же мода!** **Том. Том. Ты чё, говори да оглядывайся.** Усть-Цилем. **Арх.** Использование с другими частицами помогает привлечь внимание к фиксируемому факту, позволяет разделить эмоции говорящего: **Ишь чё, зеват – пить просит [корова].** Галк. **Курган. Ишь че у вас пленицы-то [паутины] по углам.** **Свердл. Истопель был плохой, хлеб весь сел на ослу [плохо пропекся], ишь чё, живой осляник.** **Иркут.**

Диалектные частицы способны использоваться в значении близком к «понятно» для разъяснения обстоятельств, причин действий в рассказе, которые мыслятся как сами собой разумеющиеся, естественные: **Чё, бросишь их середь полё и пойдешь.** Большеук. **Омск. Сети караулил. А чё, кто-нибудь снимет. Мы-то чё, мы тут все помоложе были.** **Том. Том.** Частица способна выражать обобщение, выступать в значении «в общем»: **Чё, в погани живёт: и конный, и пеший, и сам леший к ей ходят.** Усть-Цилем. **Арх.**

Сочетания с частицей *чё* могут выступать в роли утвердительных, причем с подчеркиванием отсутствия причин для отказа на чью-либо просьбу, в значении близком к «почему бы и нет» (*Парень, – я гово-*

рю, – привези мне воды. – **А чѣ**, – говорит, – можно. Том. **Том.** – За грибами ходим? – **Ну к чѣ**, ходим. Невьян. **Свердл.**), и, наоборот, выражающих категоричное несогласие с кем-либо (*Я не чокаю нечѣ*, *Если чѣкну, ну так чѣ?* (частушка). Шадр. **Перм.**).

Ряд сочетаний служит средством выражения согласия, примирения с чем-нибудь или одобрения чего-либо. В литературном языке это сочетания (*а, ну*) *что же (ж)*, просторечное выражение *хоть ты что* ‘ничего не поделаешь, ничего нельзя сделать’ (в ССРЛЯ подано как фразеологическое на омоним-местоимение *что* [26. Стб. 1126]), в диалектах – *чѣ*, *а (да, дак)* *чѣ*: *Отец схватил, в ушае окупал, да чѣ!* Поздно. Терск. **Мурман.** **А чѣ**, ей *хоть ругай – не ругай, а она головой вертит и всё, ей всё равно*. Усть-Цилем. **Арх.** **Дак чѣ**, он такой *огубала, большущий*. Усол. **Перм.**

Материалы СРНГ позволяют также говорить о большем богатстве смысловой палитры в контекстах, в которых *чѣ* (обычно в сочетании (*ли, ле*) *чѣ (ли, ле, ль)*) близко к вводным словам. Диалектоносители подчеркивают неуверенность в точности сообщаемых сведений (в значении близком к «вроде бы», «кажется»: *Она была счетоводом ли чѣ ли*. **Омск.**), примерность, приблизительность называемых дат и количества (*Три, ли чѣ ли, умерло? Остальные живы*. **Алт.** *Отца убили в четырнадцатом году, чѣ ли, я не знаю*. Тарск. **Омск.**), достаточно высокую степень достоверности высказываемого предположения (в значении близком к «похоже»: *Никого ли чѣ ли нету дома-то*. **Курган.** *Погода-то опризорилась ли чѣ ли*. **Кем.** **Арх.**), сомнения в правильности, необходимости действий (*Не знаю, идти, ли чѣ ли*. **Тобол.** **Тобол.** *Вывалить, чѣ ле, эту рыбу?* **Красновишер.** **Перм.**), возможность сделанного допущения (в значении близком к «например», «допустим»: *Ну, он подрезок, он родился, хоть баранчик, чѣ ли*. **Кемер.**), др.

Разнообразны эмоционально-экспрессивные свойства слова *чѣ* и сочетаний с ним. Частицы способны выражать негодование, возмущение (*А не чѣ, всё везде вышнырят, ничего от них не уйдет. Это чѣ же, напוגад-гадко, оборони бог, картошки-то как испоругали*. **Кирен.** **Иркут.** **Чѣ же это, Алексеевна... быдто чѣ сделалось**. **Тулун.** **Иркут.** **Да чѣ!** *Кака-то мода! Говорила я ей, да чѣ!* *Не встречай ты в это дело. Не послушалась*. **Перм.** *Вы бы поглядели, как раньше-то жили, дак руками схлопали бы и сказали: – Это чѣ же, это чѣ же!* **Соликам.** **Перм.** **Чѣ это**, *пятёрку прибавят, куда на ей уедешь?* **Том.**

Том.), силу переживаемых состояний, испытываемых чувств (*Ой, чё, дядя, Миша, ой, прямо с голоду я замираю.* **Том. Том.**), сожаление из-за невозможности изменить что-либо (*Чё уж говорить-то, здись сторонушка-та!* [очень холодная]. **Красновишер. Перм. Чё уж, весь он тут** [доверчивый, открытый]. **Усть-Цилем. Арх.**), др.

Обнаруживаются отличия в сочетаемостных возможностях слова *чё*.

Не фиксируются составные частицы с *чё*, служащие для заполнения пауз и тождественные частицам литературного языка именно *что*, *правда что*, *действительно что* и под. Нет аналога усилительных частиц *не то что*, *только что не*. Не отмечаются выражающие опасение сочетания, соотносимые с *что, если (как, ежели)* или *а (ну) что, если (как, ежели)*, или сочетания, соотносительные с устаревшей частицей *что хотите*, выражающей несогласие, возражение (в значении близком к «как хотите, но»). Впрочем, отсутствие некоторых фиксаций имеет, полагаем, случайный характер, поскольку они встречались нам в речи диалектоносителей и носителей просторечия (например, *если чё, ещё чё!*, др.).

Специфично употребление генетически однотипных образований. Так, сочетание *что ли (ль)* может выступать в литературной речи в значениях ‘может быть, возможно’, ‘кажется, вероятно’, ‘пожалуй’, ‘разве (для выражения сомнения, недоумения)’ [26. Стб. 1132]. В диалектной речи обнаруживаются такие оттенки смысла аналогичных сочетаний с *ли, ле, ль*: а) ‘выражает предположение; может быть, что ли’: *Чёйно ты юбочнку коротку напялила, мандюленку, ноги ли чё кривы на выставку выставляшь* [иронически]. **Усть-Цилем. Арх. Пришёл домой хмурёный, обидел кто-то, ли чё ли?** **Нижнетавд. Тюмен.** *От жару ли чё ли голова болит.* **Кемер.** *Ишь че захалезил* [т.е. испачкал] *пальтишко-то, упал чё ли?* **Кирен. Иркут.**; б) ‘выражает неуверенность в собственном утверждении, подчеркивает неточность сведений; кажется, вроде бы’: *Воля и доля была ему, а он в тюрьму попал, чё-ли украл.* **Усть-Цилем. Арх.** *Спускают овец на волю – стригут, стригут в апреле чё-ле бат.* **Усть-Цилем. Арх.** *Её свекор и мой свекор были братья, ли чё ли.* **Аглицкий платок я нашивала же; он из кумача ли че ли был, красный.** **Соликам. Перм.** *Узбеки, чё ли, прячут лицо?* **Верхнелен.** *Лопатена литовка, ле чё ле.* **Киров.** || ‘выражает неуверенность в точности называемых дат, количества и т.п.’: *Мать-то приезжала в гости, запрошлый год, ли чё ли.* **Перм.** *В чём душа-то тоже уж! А семьдесят ему пятой ли чё ли. У нас их девят-*

надцать, *ли чѐ ли*, внучат. По литре *чѐ ли* наганивали первы-те концы. Красновишер. **Перм.** Сегодня среда *че ли*? **Том.** Три, *ле чѐ ле*, пары исподки вязала одной спицей. **Перм.** У меня их семь [внуков], *чѐ ли*, как бы не обмануть. Десятка два, *чѐ ли*. **Том.** **Том.;** в) ‘выражает неуверенность, сомнение в правильности решения, необходимости какого-л. действия; что ли’: *А мне фуфайку ли чѐ ли надеть-то.* Красновишер. **Перм.** У меня голова пошла вокруг, другой день, *ли чѐ ли*, приходи. **Перм.** Нето дать, *ли чѐ ли*? **Зап.-, Южн.-Сиб.;** г) ‘выражает намерение, склонность к какому-л. решению; пожалуй’: *Надо варить уж ли чѐ ли уху-то.* **Перм.** В ужну ел худо, а щас есть захотел, подужинать *че ли* немного. **Братск. Иркут.** Ну, пойдѐм *чѐ-ли* поедим. Усть-Цилем. **Арх.;** д) ‘выражает совет, просьбу, указывает на предпочтительность какого-л. решения, действия; лучше, пожалуй’: *Ты бы хоть вынесла ли чѐ ли ей пойло. Ты уж самому-то не сказывай ли чѐ ли, хоть он пускай ничѐ не знат. Ты хоть отдохни ли чѐ ли.* **Перм.;** е) ‘выражает высокую степень достоверности предположения; похоже’: *Светаёт ли чѐ ли на улке-то?* **Курган.** До Семика будет дуть [северный ветер] *ли чѐ ли*. Красновишер. **Перм.;** ж) ‘выражает удивление, недоумение с оттенком недоверия, неодобрения или др.; разве, неужели’: *Хлыталось [т. е. икалось] тебе, чѐ ле?* **Низ. Печоры.** Вы чѐ, бываете здесь *чѐ ли*? **Тарск. Омск.** *Чѐ ли* одним пеленашиком их перевязала? **Кемер.** Вы сапоги *чѐ ли* носите? **Верхнелен.** Ты на работу *чѐ ль* пошла? **Том. Том.** (ср. также в сочетании *чѐ-ко ле*: *Побежите кверху-ту, чѐ-ко ле?* **Чердын. Перм.**).

Обнаруживаются факты своеобразного развития семантики указанных сочетаний в говорах. Так, *чѐ ли* способно выступать в значении ‘указывает на пояснение сказанного ранее; например, допустим’: *Когда ходили на войны, чѐ ли, так и говорили, что не вернѐмся.* **Тарск. Омск.** Ну, он подрезок, он родился, хоть баранчик, *чѐ ли.* **Кемер.** В усть-цилемских говорах зафиксировано употребление сочетания *чѐ ли* в наречном значении, близком к значению неопределенного местоимения *что-то* ‘неизвестно по какой причине’. «Партикулярность» усматривается в выражении семантики удивления, недоумения в связи с сообщаемым фактом или высокой степени достоверности предположения, а также в маркировании начала коммуникации, перехода к новой теме разговора, ср.: *Чѐ-ли беда мне сѐнни худо, ажно голова окружилась. Чѐ-ли я овсе расхворалась, тяжело. Молодые-то мои чѐ-ли сѐнни вообшѐ в прах разругались. Чѐ-ли, Мишка, уж гово-*

ришь, шибко прибавляшь сидишь тут, врать – не деньги брать. Усть-Цилем. **Арх.**, 2005.

Велико количество собственно диалектных сочетаний, которые нуждаются в специальном рассмотрении в силу специфики их образования, происхождения, выражаемых ими смысловых оттенков и выполняемых функций (см., например, [27–29]). Очень остро стоит вопрос о границе группы, о дифференциации сочетаний и фразеологизмов. Важно решить проблемы написания таких сочетаний в силу того, что (а) орфографические нормы, выработанные для литературного языка, не всегда способны помочь при выборе корректного написания для слов живой народной речи; (б) по причине этого составители диалектных словарей предлагают не всегда бесспорные и (или) идентичные решения (ср., например, написания *чѐ-ле*, *ну к чо*, *чѐ-ож* и под.).

Нельзя не остановиться и на том факте, что диалектно-просторечным частицам также свойственна «функциональная полифония», отмечаемая практически всеми исследователями для частиц литературного языка. Помимо приведенных выше примеров, ср. в контексте: *Были мы у него, чо на именинах и на крестинах.* Татар. **Новосиб.** В «Словаре русских говоров Новосибирской области» предложена трактовка слова *чо* в качестве относительного местоимения, синонимичного *что* [30. С. 588]. Однако здесь оно может быть частицей в значении вводного слова, выражающего уверенность в правоте, в правильности утверждения (ср. *конечно*, *естественно*) или выступающего в роли своего рода обобщающего слова-союза («и то, и другое», «и там, и здесь», «в обоих упомянутых далее случаях»), аналогичного литературной конструкции «что на..., что на...» без тавтологического повтора союзного средства. Ср. также: *...Чѐ ведь не поганый!* Красновишер. **Перм.**, где слово *чѐ* было употреблено, с нашей точки зрения, в первую очередь для противопоставления, в значении сочинительного противительного союза *но*, однако совместило союзное значение с «партикулярным», привнеся разнообразные оттенки: полемичности, уверенности в сообщаемом факте и усиленности. Не теряет актуальности вопрос о подаче *чѐ* и сочетаний с ним в статье на частицы либо на их омонимы (местоимения или союзы), особенно при сохранении связей с исходными сочетаниями и значениями, ср.: *Лико чѐ делают, как собаки аркаются.* Соликам **Перм.** – и *Ли-ка чѐ!* *Лук-то пропал нонче весь!* Том. **Том.** *Гли-ко чѐ, хвырыздают похлѐбку-то!* Куедин. **Перм.**

Первостепенная роль частиц как средств коммуникативного уровня предопределила важность интонации при определении функции частицы в конкретных контекстах. Вследствие этого в значительном количестве случаев невозможно определить функцию и семантику частиц с абсолютной достоверностью. Ср.: в высказывании *Чѣ, не взяли тебя в долю?* слово *чѣ* в зависимости от коммуникативного намерения говорящего могло реализовывать не только контактоустанавливающую функцию, маркируя начало речевого акта и побуждая собеседника ответить и прокомментировать ситуацию, но и служить эмоциональной оценке создавшегося положения. Здесь мог бы присутствовать оттенок ироничного отношения, насмешки и даже сарказма или, наоборот, сочувствия, а также удивления, недоумения, возмущения и др. Невозможность опереться на интонационные особенности зафиксированного высказывания или комментарии собирателя вынуждает в этом и подобных случаях учитывать и отражать в словарной дефиниции лишь базовые (инвариантные) компоненты толкования. И ср., например, с высказываниями, где отсутствие интонации частично восполняется расширенным контекстом: *Чѣ, и не куришь ли чѣ? В святы ли чѣ записался?* Добавочная ироничная фраза позволяет распознать в частице *чѣ* средство трансляции удивления и доли сомнения в сообщенном (вероятно, как реакции на предшествовавший отказ выпить спиртного).

Специфика диалектно-просторечного слова *чѣ* и сочетаний с ним должна находить корректное отражение в словарях с позиций разных параметров функционирования в роли частицы. Прежде всего следует помнить о том, что атрибутивным и едва ли не «категориальным» свойством частиц является полифункциональность. Необходимо поэтому отражать у частиц проявления признаков других частей речи, отмечать это в зоне грамматических помет («в значении (роли) вводного слова/междометия», для местоимений и союзов – «в значении (роли) частицы»).

Коммуникативную природу этих служебных слов возможно отражать в зоне толкования (например, в формулировке «употребляется для связи значимых частей рассказа, развития речи»), в комментариях к толкованию (например, «... (обычно в начале предложения)»).

Безусловно, в толковании должны находить отражение эмоциональные и смысловые возможности частиц, значительно более богатые, нежели в литературной речи. В силу указанных свойств частиц

при определении оттенков привносимых частицей смыслов ведущими могут стать методы подстановки (субституции, подмены предполагаемым синонимом или эквивалентом) и элиминирования (извлечения частицы из высказывания с целью определения семантических и функциональных вариаций, степени ее коммуникативной автономности). Это находит воплощение в принципах дефинирования, когда совмещаются развернутые толкования и – через точку с запятой – лексические эквиваленты (ср., например, предложенные выше толкования для сочетаний с компонентами *ли, ле, ль*).

Подведем итоги.

1. Частица *чѣ* по своим семантическим, структурным, функциональным, прагматическим особенностям (в терминологии О.И. Блиновой и Томской лингвистической школы – параметрам) тождественна литературному эквиваленту *что* лишь отчасти; в зоне дивергенции этих лексем смысловой и функционально-прагматический диапазон диалектно-просторечного слова *чѣ* шире, чем у литературного слова *что*. Очевидные отличия не позволяют рассматривать лексему *чѣ* в качестве фонетического варианта литературного слова.

2. Следует избегать смешения и конфронтации теоретических подходов. а) Следует урегулировать употребление терминов «сложная»/«составная» частица в пользу последней во избежание смешения терминов морфологии и словообразования. б) По причине отсутствия полной, четкой и непротиворечивой классификации частиц, при лексикографическом описании частицы *чѣ* и сочетаний с ней представляется правомерным отказаться от пометы, уточняющей ее разряд для того или иного ЛСВ. Это позволит избежать конфликта многочисленных альтернативных теорий. Аналогично подходам, реализованным в академических словарях литературного языка, частные характеристики следует отражать косвенно, посредством формулировок ЛСВ («употребляется в вопросительных и восклицательных предложениях», «употребляется для усиления значения» и т.п.). В то же время целесообразно придерживаться определенной логики при структурировании словарной статьи, по возможности располагая контактно группы ЛСВ, направленных на выражение модальных, смысловых, экспрессивно-эмоциональных, коммуникативных значений.

3. Полифункциональность (сочетание признаков разных частей речи) как принципиальную особенность функционирования частиц также необходимо учитывать при дефинировании слова *чѣ*, по возмож-

ности отражая оттенки привносимого им значения и выделяя переходные случаи употребления частицы в роли междометия или вводного слова.

4. Специфика частицы *чѣ* как средства коммуникативной организации высказывания диктует необходимость тщательного анализа каждого контекста для корректной лексикографической подачи материала. По возможности следует учитывать (а собирателям уточнять) интонационное оформление фразы со словом *чѣ*, включать максимально широкий контекст, комментарии составителей полевых материалов.

5. Необходимо отражать в толковании оттенки смысла, экспрессивно-эмоциональной оценки, модальности, привносимые частицами в высказывание. Выявлению особенностей употребления частиц способствует применение методов подстановки и элиминирования.

6. Требуется специальное, углубленное рассмотрение сочетаний со словом *чѣ*, в том числе в роли частицы, что составляет ближайшую перспективу осуществляемой нами исследовательской работы.

7. Таким образом, особенности употребления диалектно-просторечных частиц имеют принципиальный характера, обнаруживаются концептуальные отличия в их функционировании от литературных эквивалентов. Подтверждается озвученная нами ранее идея о необходимости включения диалектно-просторечных слов в корпус диалектных словарей и выработки специальных подходов для корректного лексикографического описания такой лексики в диалектных словарях.

Список источников

1. *Блинова О.И.* Теория → словарь → теория → словарь // Вопросы лексикографии. 2012. № 1. С. 6–26.

2. *Голев Н.Д.* Лексикографирование как метод описания лексики. К теоретическому наследию О.И. Блиновой // Вопросы лексикографии. 2021. № 21. С. 5–32. doi: 10.17223/22274200/21/1

3. *Сметанина З.В.* О втором издании «Областного словаря вятских говоров»: новый взгляд и новые подходы // Вопросы лексикографии. 2022. № 23. С. 31–48. doi: 10.17223/22274200/23/2

4. *Блинова О.И.* Лексика диалекта (с точки зрения ее соотношения с формами национального языка) // Лексические и грамматические проблемы сибирской диалектологии / под ред. О.И. Блиновой. Барнаул : [б. и.], 1972. С. 102–109.

5. *Боброва М.В., Колосько Е.В.* Проблемы лексикографического описания диалектно-просторечной лексики в диалектном словаре (на примере слова *чѣ*) // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 5–21. doi: 10.17223/22274200/18/1

6. Боброва М.В., Колосько Е.В. Опыт лексикографического описания диалектно-просторечного слова *чѐ* (*че*) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2020. СПб. : Изд-во РХГА, 2020. С. 87–107.

7. Боброва М.В., Колосько Е.В. Принципы лексикографического описания слова *чѐ* в диалектном словаре // Севернорусские говоры. 2020. № 19. С. 294–314.

8. Боброва М.В., Колосько Е.В. Союз *чѐ* в русских народных говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2021. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 68–79.

9. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

10. Стародумова Е.А. Частицы русского языка (разноаспектное описание). Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2002. 292 с.

11. Степанова О.Ю. Сравнительный союз *что* и сравнительная частица *что* на шкале переходности // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2009. № 2. С. 130–134.

12. Акимова Э.Н. Частицы в русских говорах Мордовии: типы, структура, семантика и функционирование // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб. : Наука, 2010. С. 226–244.

13. Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц. Франкфурт-на-Майне : Peter Lang – Europäische Verlagder Wissenschaften, 1999. 147 с.

14. Словарь служебных слов русского языка; отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток : Изд-во ГУП «Примполиграфкомбинат», 2001. 363 с.

15. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М. : Дрофа: Русский язык Медиа, 2010. 750 с.

16. Мызникова Я.В. Особенности функционирования некоторых наречий в архангельских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. СПб. : Нестор-История, 2012. С. 209–216.

17. Евтюхин В.Б. Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц // Севернорусские говоры. Л. : ЛГУ, 1979. Вып. 3. С. 201–206.

18. Пауфошима Р.Ф. Фонетика слова и фразы в северно-русских говорах. М. : Наука, 1983. 110 с.

19. Бакланова И.И. Об употреблении частиц в диалектном высказывании (на материале пермских говоров) // Проблемы лингвистического краеведения. Пермь : ПГПУ, 2007. С. 16–21.

20. Большой толковый словарь русского языка; сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.

21. Вершининский словарь : в 7 т. ; гл. ред. О.И. Блинова. Т. 7. Томск : Томский гос. ун-т, 2002. 524 с.

22. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) : в 6 вып. / под ред. Ф.Л. Скитовой. Вып. 6. Пермь : [б. и.], 2011. 312 с.

23. Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.

24. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М. : Рус. яз., 2001. 719 с.

25. Щербань Г.Е. К вопросу о функциях частицы *А* в современной актуализирующей прозе (на материале произведений С. Довлатова) // Исследовано в России: электронный журнал. 2001. С. 105–114. URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2001/010/pdf> (дата обращения: 19.07.2022).

26. *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. Т. 17. М. ; Л. : Наука, 1965. 2126 стб.

27. Рушинова И.И., Бакланова И.И. Особенности функционирования сочетаний *да чѣ да* и *да мый да* в русских пермских говорах и коми-пермяцкой речи // Слово и текст: история, культура, этнос : сб. науч. тр. памяти Л.Я. Петровой. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та, 2009. С. 16–22.

28. Рушинова И.И., Бакланова И.И. К вопросу о лексикализации сочетаний *да чѣ да* (*да чѣ*), *ли чѣ ли* (*ли чѣ*) и подобных им (на материале пермских говоров) // Проблемы социо- и психолингвистики : сб. ст. Пермь : ПГУ, 2012. Вып. 16. С. 121–134.

29. Боброва М.В. Сочетания типа *ли чѣ ли* в русской и *ли мый ли* в коми-пермяцкой диалектной речи Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 3 (23). С. 40–47.

30. Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1979. 605 с.

References

1. Blinova, O.I. (2012) Theory → dictionary → theory → dictionary. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 1. pp. 6–26. (In Russian).

2. Golev, N.D. (2021) Lexicographizing as a method of describing vocabulary: revisiting the theoretical legacy of Olga Blinova. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 21. pp. 9–32. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/21/1

3. Smetanina, Z.V. (2022) On the second edition of the Regional Dictionary of Vyatka Dialects: A new look and new approaches. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 23. pp. 31–48. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/23/2

4. Blinova, O.I. (1972) *Leksika dialekta (s tochki zreniya ee sootnosheniya s formami natsional'nogo yazyka)* [Vocabulary of the dialect (in terms of its relation to the forms of the national language)]. In: Blinova, O.I. (ed.) *Leksicheskie i grammaticheskie problemy sibirskoy dialektologii* [Lexical and grammatical problems of Siberian dialectology]. Barnaul: [s.n.]. pp. 102–109.

5. Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2020) Problems of lexicographic description of dialect and common parlance vocabulary (on the example of the word *chyo*). *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 18. pp. 5–21. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/18/1

6. Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2020) An attempt at lexicographic description of a dialect-and-vernacular word (*če*, *čo*). *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2020 – Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches) 2020*. 14. pp. 87–107. (In Russian).

7. Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2020) Principles of lexicographic description of the word *chyo* in the dialect dictionary. *Severnorrusskie govory – Northern Russian Dialects*. 19. pp. 294–314. (In Russian).

8. Bobrova, M.V. & Kolos'ko, E.V. (2021) Conjunction *čo* in Russian folk dialects. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2021 – Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches) 2021*. 15. pp. 68–79. (In Russian).
9. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka. (In Russian).
10. Starodumova, E.A. (2002) *Chastitsy russkogo yazyka (raznoaspektnoe opisanie)* [Particles of the Russian language (multi-aspect description)]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.
11. Stepanova, O.Yu. (2009) The comparative union *chto* and the comparative particle *chto* on the transitivity scale. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*. 2. pp. 130–134. (In Russian).
12. Akimova, E.N. (2010) *Chastitsy v russkikh govorakh Mordovii: tipy, struktura, semantika i funktsionirovanie* [Particles in Russian dialects of Mordovia: types, structure, semantics and functioning]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2010* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches) 2010]. Saint Petersburg: Nauka. pp. 226–244.
13. Shimchuk, E.G. & Shchur, M.G. (1999) *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Frankfurt am Main: Peter Lang – Europäische Verlagder Wissenschaften.
14. Starodumova, E.A. (ed.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of service words of the Russian language]. Vladivostok: Primpoligrafkombinat.
15. Burtseva, V.V. (2010) *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of adverbs and service words of the Russian language]. Moscow: Drofa, Russkiy yazyk Media.
16. Myznikova, Ya.V. (2012) Osobennosti funktsionirovaniya nekotorykh narechiy v arkhangel'skikh govorakh [Features of the functioning of some adverbs in Arkhangel'sk dialects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2012* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Researches) 2012]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 209–216.
17. Evtyukhin, V.B. (1979) Arranging dialect texts using particles. *Severnorusskie govory – Northern Russian dialects*. 3. pp. 201–206. (In Russian).
18. Paufoshima, R.F. (1983) *Fonetika slova i frazy v severno-russkikh govorakh* [Phonetics of words and phrases in Northern Russian dialects]. Moscow: Nauka.
19. Baklanova, I.I. (2007) Ob upotreblenii chastits v dialektnom vyskazyvanii (na materiale permskikh govorov) [On the use of particles in dialect utterance (based on the material of Perm dialects)]. In: *Problemy lingvisticheskogo kraevedeniya* [Problems of linguistic local lore]. Perm: Perm State Pedagogical University.
20. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2000) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large explanatory dictionary of the Russian language]. Saint Petersburg: Norint.
21. Blinova, O.I. (ed.) (2002) *Vershininskiy slovar': v 7-mi t.* [Dictionary of Verzhinino: in 7 vols.] Vol. 7. Tomsk: Tomsk State University.
22. Skitova, F.L. (ed.) (2011) *Slovar' govora d. Akchim Krasnovisherskogo rayona Permskoy oblasti (Akchimskiy slovar')*: v 6-ti vyp. [Dictionary of the dialect of the vil-

lage Akchim of Krasnovishersky district of Perm region (Akchim dictionary): in 6 vols.]. Vol. 6. Perm: [s.n.].

23. Baranov, A.N. & Kreydlin, G.E. (1992). Illocutive compulsion in the structure of the dialogue. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 2. pp. 84–99. (In Russian).

24. Vinogradov, V.V. (2001) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. Moscow: Russkiy yazyk.

25. Shcherban', G.E. (2001) On the functions of the particle A in current actualizing prose (based on the works of S. Dovlatov). *Issledovano v Rossii*. [Online] Available from: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2001/010/pdf> (Accessed: 19.07.2022).

26. Chernyshev, V.I. (ed.) (1965) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17-ti t.* [Dictionary of contemporary Russian literary language: in 17 vols]. Vol. 17. Moscow; Leningrad: Nauka. (In Russian).

27. Rusinova, I.I. & Baklanova, I.I. (2009) *Osobennosti funktsionirovaniya sochetaniy da che da i da myy da v russkikh permskikh govorakh i komi-permyatskoy rechi* [Features of functioning of combinations of *da chyo da* and *da myy da* in Russian Perm dialects and Komi-Permian speech]. In: *Slovo i tekst: istoriya, kul'tura, etnos* [Word and text: history, culture, ethnicity]. Collection of Articles. Syktyvkar: Syktyvkar State University. pp. 16–22.

28. Rusinova, I.I. & Baklanova, I.I. (2012) *K voprosu o leksikalizatsii sochetaniy da che da (da che), li che li (li che) i podobnykh im (na materiale permskikh govorov)* [On the lexicalization of combinations of *da chyo da (da chyo)*, *li chyo li (li chyo)* and similar to them (based on the material of Perm dialects)]. In: *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Problems of socio- and psycholinguistics]. Collection of Articles. Vol. 16. Perm: Perm State University. pp. 121–134.

29. Bobrova, M.V. (2013) Word combinations *li chyo li* in Russian and *li myy li* in Komi-Permian dialect speech of Perm Krai. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 3 (23). pp. 40–47. (In Russian).

30. Fedorov, A.I. (ed.) (1979) *Slovar' russkikh govorov Novosibirskoy oblasti* [Dictionary of Russian dialects of Novosibirsk Oblast]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otделение.

Сведения об авторах:

Боброва Мария Владимировна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Колосько Елена Валентиновна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: evkolosko@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Maria V. Bobrova, Cand. Sci. (Philology), docent, senior research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Elena V. Kolos'ko, Cand. Sci. (Philology), docent, senior research fellow, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: evkolosko@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 26.07.2022;
одобрена после рецензирования 23.09.2022; принята к публикации 10.02.2023.*

*The article was submitted 26.07.2022;
approved after reviewing 23.09.2022; accepted for publication 10.02.2023.*